

Тезисы

к круглому столу по распорядительным сделкам

Применительно к предмету дискуссии по вопросу об обоснованности выделения в отдельную группу распорядительных сделок, а также придания последним абстрактного характера, полагаю необходимым проанализировать основные аргументы, приводящиеся при положительном ответе на указанные вопросы.

1. Нередко выделение распорядительных сделок связывается с необходимостью четкого разделения обязательственных и вещных прав, обязательственных прав и вопросов правопреемства. В самом деле, каков эффект, например, такого классического договора как купля-продажа: обладает он лишь обязательственным эффектом или же сам непосредственно приводит к переходу права на его объект (вещь или право)?

Кажется, что отсутствие разделения сделок на лишь порождающие обязательства (обязательственные) и непосредственно направленные на переход состояния управомоченности (распорядительные) создает простор для размышлений, что купля-продажа не только порождает обязательство (передать вещь и проч.), но и переносит права от продавца к покупателю, являясь тем самым формой распоряжения объектом.

Такой подход может создать препятствия для действительности целого ряда договоров, широко востребованных практикой (речь идет, в частности, о договорах, вовлекающих в оборот будущие объекты, поскольку «нельзя передать прав больше, чем имеешь», о договорах «двойной» купли-продажи, поскольку обязавшись передать вещь, продавец исчерпал свою распорядительную власть, о договорах купли-продажи от неуправомоченного отчуждателя, поскольку отчуждатель вовсе этой властью не обладал и т.д.). Это, в свою очередь, повлечет усложненную защиту нарушенных прав приобретателей – недействительная сделка повлечет лишь реституцию, но не возмещение убытков за неисполнение обязательства, поскольку последнего в силу ничтожности сделки не возникло.

Разделение сделок на обязательственные и распорядительные точно определит понятие обязательственных сделок – они не являются формой распоряжения объектом, но лишь направлены на порождение обязательств. Заключив такую сделку, стороны лишь, образно говоря, «распоряжаются» собой, ввергаясь по своей воле во власть друг друга. Распорядительный эффект же связан с заключением другой сделки (передача вещи, иной согласованный сторонами момент перехода права на нее, цессия и проч.), которая, по сути, является исполнением обязательства. Отсюда следует, что именно на последний момент отчуждатель должен обладать возможностью распорядиться объектом. Следовательно, и решение ранее поднятых вопросов о действительности обязательственного договора, о возможной ответственности за его неисполнение будет противоположным – договор действительный, за его неисполнение возникает ответственность. Таким образом, находится путь вовлечь в оборот будущие объекты, защитить приобретателя в случае отсутствия на момент исполнения обязательства право распорядиться его объектом¹.

Данный подход, кроме того, дает возможность четко различить вопросы обязательственного и вещного права, ближе подойти в определении понятия самого обязательства, разграничить основания возникновения обязательства и вещного права и потому в целом заслуживает поддержки.

Однако, как представляется, ровно к такому же результату мы бы пришли и без выделения особых распорядительных сделок. Главным представляется разделить договоры, лишь порождающие обязательства, и основания перехода прав на вещи или права (требования). И действительно, имеет ли значение для предложенных рассуждений сделочный характер традиции, цессии? Думается, нет. Важно, разделить договор, например, куплю-продажу, порождающий обязательство и традицию как основание перехода права собственности и как исполнение обязанности передать вещь. Природа же традиции для рассмотренного аргумента выделения распорядительных сделок значения не имеет.

В связи с этим следует рассмотреть иные доводы в пользу существования распорядительных сделок. Полагаю, они могут быть связаны, во-первых, с целесообразностью абстрактности последних, во-вторых, с целесообразностью оспаривания самих исполнений, предоставлений по общим правилам оспаривания сделок.

¹ Примечательно, что приблизительно из этого исходит Президиум ВАС РФ в пп. 1 и 4 ИП № 120.

Рассмотрим их.

2. Поскольку абстрактный характер можно придать только сделке, но не фактическому действию (например, передаче), возможно, выделение распорядительных сделок связано с желанием их абстрактности. Рассмотрим две, по нашему мнению, наиболее весомые причины, выдвигаемые в пользу абстрактности распорядительных сделок.

2.1. На примере института уступки права (требования) можно утверждать, что абстрактность цессии является единственным путем защиты прав и интересов должника в следующей ситуации. Скажем, между сторонами заключен договор купли-продажи права, совершена распорядительная сделка (например, подписан акт передачи права), направлено соответствующее уведомление должнику, последний исполнил обязательство цессионарию. В последующем договор купли-продажи права признан ничтожным. Если цессия каузальна, то и она ничтожна, а правопреемства в уступаемом праве не произошло. Следовательно, должник исполнил свое обязательство ненадлежащему кредитору, основания для прекращения обязательств должника отсутствуют. Это означает, что должник обязан исполнить обязательство cedentу с учетом санкций за весь период просрочки, не лишаясь при этом, однако, возможности требовать неосновательного обогащения с цессионария. Таким образом, должник должен платить дважды, причем с учетом санкций за просрочку, при этом именно на нем лежит бремя истребования неосновательно полученного у цессионария, включая риск банкротства последнего. Между тем уступка права требования осуществляется по общему правилу вне и помимо воли должника, в связи с чем его правовое положение не должно быть отягощено такой уступкой. Однако именно ухудшение указанного положения мы видим при каузальности уступки.

Защитить интересы должника, дополнительно обосновав уступку права как институт, возможно, призвана абстрактность цессии. Если цессия абстрактна, то, несмотря на порочность основания, правопреемство произошло и, следовательно, должник исполнил свою обязанность надлежащему кредитору, прекратив ее. При этом возможные претензии могут предъявляться только цессионарием и cedentом друг другу. Тем самым абстрактность цессии защищает должника, делает невозможным ухудшение его положения в связи ничтожностью договора купли-продажи права, являвшегося основанием для его перехода (цессии).

Данный аргумент был бы весьма весом, если бы не было иных путей защиты прав должника в указанной ситуации, помимо придания цессии как распорядительной сделки абстрактного характера. Такой иной путь на примере нашего правопорядка продемонстрирован в п. 14 ИП Президиума ВАС РФ № 120. ВАС РФ в рассматриваемой ситуации, по сути, предложил исходить из того, что должник, исполнивший обязательство объективно ненадлежащему кредитору (в силу последующей недействительности купли-продажи права), признается исполнившим его субъективно кредитору надлежащему, если такой должник не знал или не должен был знать о том, что цессионарий является ненадлежащим кредитором.

Такой подход лишает необходимости абстрактность распорядительной сделки, в данном случае цессии.

2.2. В обоснование абстрактности распорядительной сделки часто указывается, что она призвана защитить оборот, приобретателей соответствующих объектов. Так, при абстрактности такой сделки недействительность обязательственной сделки не приводит к недействительности распорядительной сделки, следовательно, приобретатель приобретает право на объект распоряжения (например, вещь, право (требования) по договору купли-продажи) независимо от действительности обязательства. Это позволяет динамизировать оборот, упрочив положение приобретателей, которые уже не должны скрупулезно проверять действительность «оснований» абстрактной передачи.

Однако против такой позиции могут быть выдвинуты следующие аргументы.

Прежде всего, полагаем, что в действительности порочность основания практически во всех случаях будет приводить и к порочности распоряжения по таким же, хотя и самостоятельным, основаниям. Так, совершение сделки под влиянием, например, насилия или угрозы, означает, что и распоряжение (даже при формальной независимости от порока основания) осуществляется также под влиянием насилия или угрозы. Иной вывод просто абсурден: лицо обязалось передать вещь, находясь под указанным влиянием, но передало вещь (или согласовало в договоре купли-продажи, совершенном с указанным пороком воли, иной момент перехода права на вещь) свободно. Схожие аргументы справедливы и для других сделок, совершенных с пороками воли, а также при иных основаниях недействительности обязательства. Кроме того, в больших количествах случаев даже действительные обязательства, тем ни менее будут влечь недействительность абстрактного распоряжения. Так,

передача вещи неуправомоченным отчуждателем, при действительности купли-продажи, ведет к недействительности абстрактной передачи, поскольку отчуждатель не обладает распорядительной властью на момент передачи и правопреемство не может состояться. Показателен и другой пример. Так, в общегражданских отношениях кредитор продал вопреки договорному ограничению на уступку право (требование) к должнику. Полагаем, что обязательственный договор в данном случае действителен, поскольку на момент продажи еще не ясно, получит ли cedent согласие должника на уступку. Однако отсутствие такого согласия на момент передачи права должно безусловно означать недействительность распоряжения, поскольку в силу императивной нормы закона cedent был лишен возможности распорядиться правом. Иной подход будет означать отмену любых установленных законом запретов или ограничений на распоряжение объектами (например, ограничений, связанных с крупными сделками, сделками, в совершении которых имеется заинтересованность и проч.). Число подобных примеров можно без труда умножить.

Второе. Придание распорядительной сделки абстрактности применительно к обороту вещей фактически упразднит фигуру добросовестного приобретателя, поскольку абстрактность распоряжения в чистом виде должна приводить всякий раз к возникновению права собственности у приобретателя. Это приведет к нарушению баланса между интересами оборота и собственников, что негативно повлияет на определенность принципа стабильности, неприкосновенности собственности. Между тем следует подчеркнуть, приобретатель, не приобретший объект распоряжения, всегда должен иметь право на взыскание убытков с отчуждателя. Для этих целей необходимо максимально выводить из-под недействительности обязательственные сделки (за исключением особых оснований недействительности, например, угрозы, насилия и проч.), и, напротив, признавать недействительными распорядительные сделки.

Третье. Применительно к имущественным правам риск их оборота еще более велик, чем оборот вещей, что связано с отсутствием понятия «владения правом», и, как следствие, «добросовестного приобретателя права». В самом деле, при каузальности цессии или ее недействительности по самостоятельным основаниям, цессионарий, кажется никогда не станет управомоченным, что снижает, как кажется многим необходимого динамизма оборот прав. Достижению желаемого динамизма может способствовать два расхожих предположения.

Во-первых, это введение понятия «добросовестного приобретателя права», на которое бы в общих чертах распространялся бы установленный вещным правом баланс интересов добросовестного приобретателя и собственника. Данное положение полагаем спорным и даже излишним по следующим основаниям.

Прежде всего, в большинстве случаев невозможно найти внешнюю видимость наличия у отчуждателя права (требования), без чего практически невозможно конструирование фигуры добросовестного приобретателя. Далее, отсутствует главная предпосылка наличия в вещном праве добросовестного приобретателя – владение вещью. По сути, рассматриваемая фигура разрешает вопрос о том, на чьей стороне соединится владение и собственность. Затем, исходя из изложенного, вызывает сомнения сама необходимость защиты прав несостоявшегося приобретателя права. Переход имущественного права не предполагает получение цессионарием имущественного блага, являющегося объектом уступаемого права, он приобретает лишь право (требование) к должнику, осуществление которого зависит от действий должника по исполнению, его платежеспособности и проч. Кроме того, реализация цессионарием полученного права зависит и от cedenta (например, cedent уступил право (требование), обусловленное встречным исполнением, cedent уступил право (требование) оплаты поставленного должнику, но некачественного товара). Это позволяет говорить, что обороту прав присущи дополнительные риски, связанные с действиями как должника, так и цессионария. Иначе говоря, право (требование) как объект оборота в подавляющем большинстве случаев ценно не своим объектом (например, возврат суммы займа), а своей стоимостью, и поэтому почти всегда без ущерба для цессионария может быть заменено требованием об уплате компенсации за невозможность реализовать требование к должнику. Такая невозможность, как было показано, возникает не только в результате порочности обязательственной и, как следствие, распорядительной сделки, но и в связи с обстоятельствами, находящимися в сфере контроля должника или cedenta. При этом последнее очевидно наиболее часто встречается в имущественном обороте. При таких обстоятельствах риск несения цессионарием специфических неблагоприятных последствий вследствие неполучения им уступаемого требования в связи с порочностью основания передачи или самой передачи кажется более, чем преувеличенным. В самом деле оборот (и цессионарию) не испытывают каких-либо специфических затруднений при компенсации своих убытков с cedентов, связанных с уступкой им cedентом

недействительного или несуществующего требования, требования, осложненного встречным исполнением и проч. Почему же тогда лишь небольшая часть случаев невозможности реализовать цессионарием проданного ему требования должна заслуживать столь пристального внимания?

Во-вторых, это введение абстрактности цессии. Против такого подхода можно выдвинуть все уже приведенные доводы.

Таким образом, полагаю введение абстрактности распорядительной сделки необоснованной. Однако это еще более остро ставит вопрос о необходимости распорядительных сделок как таковых.

3. Возможно, выделение последних может быть обусловлено необходимостью дать возможность оспаривания таких сделок по самостоятельным основаниям. Такая необходимость может возникнуть в нескольких случаях. Во-первых, заключен обязательственный договор о продаже объекта неуправомоченным отчуждателем, который не получил права на объект на момент распоряжения. Очевидно, что обязательственный договор действительный (см. п.1), недействительным же является распоряжение. В принципе, как было показано, можно сказать, что, например, действия по передаче вещи (не являющиеся сделкой) не привели к переходу права, однако, возможно, и придание сделочного характера исполнению. В любом случае сказанное является лишь добавочным основанием необходимости выделения распорядительных сделок. Во-вторых, теоретически выделение распорядительных сделок может быть вызвано необходимостью их оспаривания в связи с пороками воли – например, покупатель силой отбирает у продавца, находящегося или нет в просрочке, продаваемую им вещь. Здесь право должно встать на пути самоуправства кредитора.

Однако всего этого, как видится, недостаточно для окончательного обоснования распорядительных сделок. Представляется, что главным их основанием является то, что они, безусловно, являются волевыми актами, поскольку направлены на прекращение правоотношений (например, обязательства по передаче вещи по договору купли-продажи), на возникновение правоотношений (передача как исполнение обязанности передать вещь является основанием для возникновения права собственности) и проч. В этом смысле придание исполнению характера распорядительной сделки является последствием наблюдения с позиций общей теорией сделки

за реальными действиями участников оборота, имеющими основание в обязательственном договоре.

4. Между тем может остаться опасение, что каузальность распорядительной сделки может все-таки навредить обороту, дестабилизировать его. Полагаем, что недопущение такой дестабилизации может лежать не в плоскости придания распорядительной сделки абстрактности, но в плоскости а) увеличения количества условно-действительных (оспоримых) сделок, б) сокращения лиц, имеющих право оспаривать такие сделки, в) невозможности оспорить сделку при добросовестности приобретателя в субъективном смысле. По сути, такой подход может привести к таким же последствиям, как и введение абстрактной сделки.

Такой путь уже знаком отечественному законодателю. Здесь следует привести пример эволюции крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность, от ничтожности к оспоримости с ограничением круга лиц, имеющих права их оспаривать, и введением критерия добросовестности контрагента.

Однако, как было показано, абстрактность распорядительной сделки способна привести к негативным последствиям в виде а) паралича императивных норм, ограничивающих распоряжение, б) потери собственности своей стабильности.

В связи с этим полагаю, что указанный инструмент защиты оборота следует применять крайне дозированно, точно. В связи с этим определенную тревогу вызывают новые правила оспаривания сделок, которые, по сути, исходя из конечного результата их применения, мягко вводят аналог абстрактности распорядительных сделок (см. статьи 166-168 действующей редакции ГК РФ).